

Такъ ужъ какъ-то вышло, что онъ иначе не могъ сказать, потому что сердце его въ сущности лежало къ Андрею.

— Ну, а я только три съ полтиной... Такъ кто-жъ изъ насъ дурень?..

На это Терентій не отвѣтилъ.

— А сейчасъ еще требовали, а поставь я, съ тебя потребуютъ! Когда-жъ оно кончится? И поросѣ того не стоитъ. Да оно уже и бѣгаетъ себѣ, сердечное, и не знаетъ, что ради него мужики подурѣли...

— А кто затѣялъ?!—не безъ укора спросилъ Терентій.

— Баба! Вотъ кто! Уже-жъ мужикъ не выдумаетъ такого... Эхъ-эхъ-э-эхъ! Знаешь что, Терешка! Давай лучше похристосуемся! А? И плевать намъ на тотъ пьяный судъ!.. Ну?!

Это было уже немножко поздно, для того чтобъ христосоваться, потому что дѣло происходило въ субботу на свѣтлой недѣлѣ. Но въ нашихъ мѣстахъ христосуются до самаго Вознесенья. Такъ ужъ водится.

И Терентій съ Андреемъ похристосовались, а потомъ пошли туда, гдѣ всякое дѣло кончается, а именно — къ Никанору. Боже! Что за шумъ поднялся и притомъ — радостный шумъ, когда ихъ увидѣли, какъ они сидятъ вмѣстѣ за столикомъ и чокаются стаканчиками. Всѣ ликовали, потому что въ самомъ дѣлѣ всѣмъ было грустно и обидно, что такіе закадычные друзья-пріатели вдругъ поссорились да еще вдумали судиться. Еще-бы! Да помилуйте, во что-же послѣ этого вѣрить и на что возлагать надежды?

За то ужъ и Терентій и Андрей не жалѣли словъ, рассказывая свою судебную исторію, и, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругая судей. Публика отъ души смѣялась. И замѣчательно, что никто такъ не смѣялся, какъ присутствовавшіе здѣсь писарь и Дуля, а когда «случайно» въ кабакъ забрелъ Левка, то этотъ ужъ чуть не умеръ отъ смѣха.

Вечеромъ Кившенковы пошли въ гости къ Здыбаймъ, а на другой день Здыбай отдали визитъ Кившенкамъ.

И. Потапенко.

